

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1805 г.

Русско-французский конфликт, который привёл к Отечественной войне 1812 года, невозможно рассматривать вне отрыва от вопроса: каким образом и почему началась русско-французская война 1805 года.

В отечественной исторической литературе эта проблема освещается крайне скупо: обычно историки обходятся несколькими фразами, говоря о том, что Россия вынуждена была помочь англичанам и австрийцам в их войне против Наполеона. Это в свою очередь объясняется, тем, что французский деспот чуть ли не с самого рождения стремился к мировому господству, а на пути у него стояла Россия, которую он, как если верить мемуарам аббата де Прадта, намеревался «раздавить». Наполеон якобы заявлял: «Через пять лет я буду господином мира, останется только Россия, но я раздавлю и ее».

Более чем некорректно – принимать за чистую монету фразы из мемуаров аббата, выгнанного Наполеоном с дипломатического поста за полную несостоятельность, мемуары, написанные тотчас после свержения империи в обстановке, когда вернувшимся Бурбонам требовалось всё, что могло представить низложенного императора в дурном свете и когда любая клевета против него оплачивалась политическими дивидендами.

Синхронные документы начисто отвергают тезис об исконной враждебности Наполеона к России. Достаточно привести пример речи 2 января 1801 г. Первого консула Наполеона Бонапарта в Государственном Совете, когда он твёрдо заявил: «У Франции может быть только один союзник – это Россия». А инструкции, данные французскому временному посланнику при русском дворе Коленкуру в 1802 г., сводились практически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему (*Александр*) от имени Первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо

установлены между двумя государствами»¹. Подобных примеров, взятых из корреспонденции Наполеона за 1801 – 1805 гг. можно привести сколько угодно, а вот хоть одну фразу о необходимости воевать с Россией, найти не удастся.

Какова же была причина военного конфликта 1805 года?

Как известно, в результате заключения французами Люневильского мира 1801 г. с Австрией и Амьенского мира 1802 г. с Англией, войны, начавшиеся в эпоху Великой французской революции, прекратились. Однако прошёл всего год, и правящие круги Англии пошли на обострение ситуации.

16 мая 1803 г. Великобритания официально объявила Франции войну. А еще через день в полдень 18-го числа адмирал Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Виктори». В этот же день английские военные корабли напали неподалеку от мыса Уэссан на французские торговые суда. Прогремели первые выстрелы пушек великой войны, которой суждено было длиться двенадцать лет.

Хотя раздались первые выстрелы, и повсюду шла подготовка к решительному столкновению, шанс спасти мир еще оставался. В июне 1803 г. Бонапарт обратился к российскому императору со смелым предложением: пусть Александр станет судьей во франко-английском споре. Первый консул заявил, что доверяет объективности царя и желает, чтобы его арбитраж был «как можно более неограниченный». Речь, таким образом, шла не о переговорах, а о том, чтоб Александр выступил третейским судьей и сам постановил, кто и на что имеет право. Англии и Франции оставалось лишь принять этот суд или от него отказаться и продолжить войну.

Однако русский арбитраж решительно отвергла Англия. Граф Семен Воронцов провел по этому поводу беседу с министром иностранных дел Хоуксбери, а затем сам за него сформулировал мотивы отказа англичан.

Мальта была для них лишь поводом. Вот как говорил по этому поводу Воронцов: «...ни Мальта, ни какой-либо другой отдельный вопрос не могли бы обеспечить этот необходимый всем народам Европы покой; что урегулирование должно быть общим, чтобы не оставалось никаких спорных вопросов, которые могли бы лишь породить новые распри и тем самым нарушить спокойствие в мире... Ввиду обид и величайших оскорблений, которые Бонапарт постоянно наносит королю и английскому народу»².

Иначе говоря, цель войны не отстоять английскую военно-морскую базу, а уничтожить Францию Бонапарта. По этому поводу С. Воронцов недвусмысленно выразился: «Будет ли, следовательно, безопасность Европы обеспечена тем, что на Мальте разместятся русские или английские гарнизоны? Надо спасти саму Европу от гнетущего ее яра, которое раздавит ее, если в ней не будет установлен порядок»³.

Отказ англичан от русского арбитража был неожиданностью для Петербурга. Ведь Александр и его министр иностранных дел считали, что англичане являются самыми лучшими друзьями. Известный исследователь русско-английских отношений этого периода А. М. Станиславская справедливо писала: «Очень двусмысленную роль на этот раз сыграл С. Р. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»⁴.

Не смутившись, однако, этим, царь вместо арбитража предложил посредничество в переговорах между Францией и Англией. Причем, прежде чем начать переговоры, французы должны были вывести свои войска из Ганновера и Южной Италии.

На этот раз взорвался Бонапарт. «Арбитраж мог привести к миру, – написал он своему министру иностранных дел, – потому что речь шла об обращении к справедливому человеку, решение которого можно было принять, не подвергаясь бесчестию. Переговоры же в теперешних обстоятельствах не приведут ни к чему»⁵.

На место уехавшего из Франции русского посланника Моркова не был назначен новый посол. В Париже остался лишь временный поверенный в делах Петр Яковлевич Убри. Это было не просто жестом. За ним стояли важнейшие политические демарши, которые были предприняты Александром I летом – осенью 1803 г.

Уже в июле 1803 г. царь обратился с предложением к прусскому королю создать наступательный военный союз, направленный против Франции: «Я не могу видеть безразлично, как весь север Германии разорен, разгромлен, перевернут вверх дном... Я могу предположить, что французское правительство сделает все возможное, чтобы успокоить Ваше Величество и помешать согласию, которое я хочу установить между нами... Если же Ваше Величество не посчитает необходимым присоединиться к предложению, которое я делаю, оно может быть уверено, что это никак не изменит мою личную дружбу, которую я испытываю по отношению к нему, но я должен сказать тогда искренне, что я буду заботиться

о своих делах и приму необходимые меры для моей безопасности, а если надо, то все, что потребуется для того, чтобы спасти Европу от полной дезорганизации»⁶.

Получив уклончивый ответ, Александр 24 сентября (5 октября) 1803 г. написал прусскому королю уже угрожающее письмо: «Разумеется, не мне советовать Вашему Величеству, какое ему принять решение. Однако, я не хочу скрывать от него, что с одной стороны я вижу славу, честь и настоящий интерес его короны, с другой... катастрофу всеобщую и Вашу личную... С человеком, который не знает ни умеренности, ни справедливости (*Бонапартом*) нельзя добиться ничего, уступая ему. Есть много обстоятельств в жизни, личной и политической, когда спокойствие можно добыть только острием меча»⁷.

Однако Фридрих-Вильгельм совершенно не рвался в бой. Он считал, что для его государства нет в настоящий момент непосредственной опасности, зато, если он влезет в драку, тогда опасность точно настигнет его. Семен Воронцов, обижаясь на то, что пруссаки не горят желанием ложиться костями на защиту Лондона, с презрением написал о прусском короле: «Этот недостойный наследник Фридриха... Этот король, осторожность которого заставляет бояться всякой войны... будет делать все, что потребует Корсиканец, который знает насколько его бояться»⁸.

6 (18) октября 1803 г. по поручению императора канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов написал секретнейшее послание поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту. После долгого и как всегда туманного вступления на многих страницах он перешел к делу: «Его Императорское Величество, постаравшись не упустить из виду самое неотложное, пытаясь спасти Северную Германию от угнетающих ее бедствий, желает ныне с полной доверенностью объяснить по этим вопросам с германским императором... Вам поручается начать обсуждение с австрийским министерством настоящего положения дел в Европе. Мы весьма желаем знать, разделяет ли оно наше беспокойство и какие средства оно считает наиболее верным, как для того, чтобы остановить стремительный поток французской мощи, готовый выйти из берегов, так и для того, чтобы обеспечить общее благо и спокойствие Европы в будущем»⁹.

Все это было уже не просто рассуждениями об «агрессивности» Бонапарта и необходимости восстановить «гармонию», а конкретным предложением совместно начать войну. К удивлению Александра и Воронцова австрийцы не высказали бурного восторга по поводу русских предложений. В своем рапорте от 4 (16) ноября 1803 г. поверенный в делах в Вене

докладывал о своей встрече с графом Кобенцелем, министром иностранных дел Австрии. Напрасно русский дипломат пугал австрийца угрозой разгрома Англии. Кобенцель не только не выказал беспокойства по этому поводу, но весьма прохладно высказался о британской политике. Говоря о субсидиях, которые англичане обещали за военный союз, он выразился следующим образом: «Субсидии, которые Англия предложила нам, когда она хотела недавно **втянуть** нас в наступательный союз против Франции, слишком незначительны»¹⁰.

Осторожная политика Австрии никак не повлияла на русскую позицию. 12 (24) ноября 1803 г. министр иностранных дел канцлер А. Р. Воронцов представил царю докладную записку, где он снова настаивал на необходимости немедленных военных действий. Одним из главных мотивов, которые Воронцов выдвигал, объясняя необходимость войны, была угроза захвата французами турецких владений в Европе и расчленение Османской империи. Он даже точно указывал, что «французы намереваются учинить высадку одновременно в четырех местах».

«Политически корректный» в стиле своего времени канцлер не преминул указать и на идеологический вред перспективы появления отрядов Бонапарта на Балканах: «Если по отдаленности края сего французы признают удобным для себя учредить в оном демократическую республику, будут они тогда из смежных с нами провинций рассеять между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны; а потому все то, что может нас от оногo предохранить, упущено быть не долженствует. Когда же допустим мы французов водвориться в соседстве нашем, то никакой надзор не будет достаточен обуздать сопутствующий им разврат умов, который с толиким ухищрением обыкли они обращать себе на пользу»¹¹.

Мотив угрозы на Балканах выдвигался рядом историков как рациональное оправдание военных приготовлений против Франции. На самом деле трудно вообразить, что Бонапарт в тот час, когда судьбы Европы решались на берегах Ла-Манша, мог серьезно думать о вторжении в Турцию. Нужно сказать, что наоборот, франко-турецкие отношения в эту эпоху после трехлетнего перерыва стали самыми тесными и дружественными. С необычайной помпой был принят в Константинополе посол Франции генерал Брюн. Великий визирь, встречая почетного гостя 15 февраля 1803 г., выслал навстречу персоналу посольства сто двадцать прекрасных коней, чтобы французы могли достойно въехать в столицу Османской империи. Их сопровождал пышный почетный эскорт, и как

сам посол, так и его сотрудники были буквально засыпаны дорогими подарками. Через несколько дней генерала Брюна с еще большей pompой принял сам султан в своем роскошном дворце. В честь французского посланника был устроен торжественный парад султанской гвардии...

Это были, конечно, жесты, но они вполне соответствовали общему настрою франко-турецких отношений. Французы старались скорее поддерживать Турцию и особенно развивать с ней торговлю.

Зато в Константинополе все с большей подозрительностью смотрели на северного соседа. Действительно, разумные политики судят по делам, а не по словам. Несмотря на союзные отношения с Турцией и бесконечные заявления о том, насколько важно спасти Оттоманскую империю от недругов, Россия продолжала развивать свое давление на юг. Она поддерживала антитурецкие выступления в Молдавии и Валахии, фактически превратив Дунайские княжества в территорию под своим протекторатом. Россия помогала борьбе сербов за национальную независимость, старалась утвердить свое влияние в Черногории, ее агенты действовали на территории Греции. Наконец, русские войска, не останавливаясь, продолжали наступление между Черным морем и Каспийским, занимая владения князьков, находившихся в вассальной зависимости от Турции и от Персии. В 1802 г. Грузия вступила в русское подданство, в 1803 г. началось присоединение Азербайджана к России, в 1804 г. была взята крепость Гянджа, в 1805 г. заняты Карабахское и Ширванское ханство, в том же году будет занят Баку. Даже если многие из этих действий мотивировались искренним и благородным желанием помочь единоверцам, туркам от этого было не легче. Все это было куда более весомо, чем мнимые угрозы со стороны Бонапарта.

Отсутствие результатов первого зондажа австрийской позиции ничуть не обескуражило Александра и его канцлера. 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) А. Р. Воронцов написал пространнейшее послание послу Австрии в Санкт-Петербурге графу Стадиону. В этом послании старый канцлер снова живописует картину угрозы, которая нависла над Европой, и которую неразумные австрийцы никак не могут себе уяснить. Не смущаясь противоречием со своим предыдущим демаршем, он уже описывает не ужас вторжения французов на Британские острова, а кошмар, который начнется из-за неизбежной неудачи десанта.

«Не подлежит сомнению, что общественное мнение во Франции, которое до сих пор Бонапарту удавалось в целом заставить относиться к нему благосклонно, во многом изменится для него к худшему. Десант

в Англию, в подготовке которого он зашел слишком далеко, чтобы не попытаться произвести его, и осуществление которого, как он теперь видит, связано с большими трудностями, не обещает ему никаких вероятных шансов с успехом выйти из критического положения, в котором он находится. Какими средствами может поднять Бонапарт упавший гражданский дух страдающей и обманутой нации? Как успокоить возмущение ропщущей армии и алчных и недовольных генералов?»¹².

Интересно, что канцлер и, естественно, император, обращаясь к австрийцам, проявляют прагматизм, от недостатка которого страдал наивный Павел. Зная, что в Вене небезразличны к итальянским землям, царь и его канцлер, не смущаясь противоречиями с благими намерениями будущей коалиции, походя, бросают фразу о том, что в России с пониманием относятся к интересам австрийского двора: «Естественно, что Австрийский дом, будучи тогда вынужденным понести значительные расходы, пожелал бы также со своей стороны извлечь некоторую выгоду из создавшихся обстоятельств и постарался бы обеспечить себе на будущее лучшие границы в Италии (!)...»¹³

Часто, описывая процесс складывания антифранцузского союза в эти годы, историки говорят о событиях, связанных с арестом герцога Энгиненского, и обмене жесткими нотами, которые произошли в апреле 1804 г. Якобы эти события и резкий ответ Бонапарта на протест русского царя привели к разрыву между Россией и Францией. На самом деле из представленных документов совершенно очевидно, что Александр твердо настроился на войну с Бонапартом уже в конце 1803 г.

Это полностью подтверждают интересные документы из Российского Государственного исторического архива. Здесь хранится подробнейший дневник австрийского военного атташе полковника Штутерхайма, который он вел в период с января 1804 г. по апрель 1805 г. В отличие от многих старческих мемуаров, где авторы часто путают одну войну с другой, а высказывания, произнесенные в 1812 г., относят к 1805 г., здесь мы видим поистине стенографический отчет о беседах, которые Штутерхайм вел с первыми лицами империи и, прежде всего, с самим Александром. Судя по характеру дневника, все записи сделаны вечером того же дня, когда велась беседа, и все выражения переданы настолько дословно, насколько это вообще возможно. Изучение этих бумаг не оставляет ни малейшего сомнения в том, когда Александр принял решение о войне с Францией. Все беседы полковника с царем в январе – марте 1804 г. вертятся исклю-

чительно вокруг того, когда же, наконец, Австрия даст положительный ответ на настоятельные предложения царя о военном союзе.

На балу у императрицы 16 февраля Штутерхайм долго беседовал с Александром. «Ничто не возвышает душу так, как война, – внезапно сказал царь и затем после некоторого размышления, добавил: я знаю, что, быть может, сейчас уже не время сражаться с идеями, ставшими всеобщими, чтобы их победить. Но нужно, по крайней мере, остановить амбиции правительства, которое в конечном итоге уничтожит всех остальных, если из-за трусливого соглашательства или из слабости мы не поставим не его пути барьер». А потом император, буквально не переставая, твердил одно и то же: «Это поистине химера – надеяться на то, что мы сможем избежать общей судьбы, если мы не остановим амбиции Бонапарта. Нужно быть в такой же слепой апатии как Пруссия, чтобы надеяться на это»¹⁴.

На параде 26 февраля, где снова встретились император и австрийский полковник, Александр заявил: «Чтобы улучшить мою армию, ей нужна война, я надеюсь, что для блага обучения моих войск, это будет война в союзе с вами»¹⁵. 12 марта Штутерхайм записал в своем дневнике: «Уже восемь дней как император постоянно повторяет мне во время наших встреч на парадах, что ему не терпится узнать о нашем решении. Сегодня был большой бал-маскарад при дворе. Он (*Александр*) показался мне несколько рассерженным... более озабоченный, чем обычно, он произнес: «У вас теряют ценное время»¹⁶.

21 марта австрийский атташе опять беседовал с царем, который опять нетерпеливо спрашивал о решении австрийского правительства. Штутерхайм как мог выкручивался и, отвечая, что дело очевидно объясняется задержкой с набором рекрутов. «Его Императорское Величество показался мне не удовлетворенным этим ответом, и я чувствую, как в его разговоре начинают проступать нотки недоверия»¹⁷, – записал в своем дневнике полковник.

1 апреля в очередной раз Штутерхайм увидел во время парада императора, который начал беседу с того, что пожаловался на плохую погоду, мешающую получать удовольствие от экзерциций. А потом вдруг, словно самое сокровенное вырвалось у него из души, ни с того, ни с сего воскликнул: «Ради Бога, сделайте же что-нибудь, чтобы ваш ответ быстрее прибыл!» – «Я попытался его успокоить, – записал в дневнике Штутерхайм, – сказав ему, что я точно знаю, что курьер из Вены уже выехал, но, вероятно, эта ужасная распутица задержала его в дороге». Царь, поняв очевидно, что сказал очень эмоционально, произнес уже спокойнее: «Но

он мог постараться выехать до распутицы. Я жду его с безумным нетерпением!»¹⁸

Тема ответа из Вены стала поистине навязчивой идеей Александра. Буквально через несколько дней на очередном параде он опять заговорил со Штутерхаймом и недовольно произнес: «Вы теряете много времени»¹⁹.

Таким образом, Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был, буквально, одержим войной с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее, несмотря на то, что англичане не особенно просили русских бросаться на защиту Лондона. Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, нужна она интересам России или нет, желает ли ее или нет большинство элиты российского общества. Он не советовался уже практически ни с кем, кроме нескольких страдавших навязчивой идеей англофилов и, прежде всего, канцлера А. Р. Воронцова.

О последнем баварский посланник Ольри очень метко заметил: «Я никогда не видел человека столь странного, как старый канцлер, которому император вверил руководство внешними делами. Набитый всякими предрассудками, спесью, предубеждениями, гордый своею мнимую опытностью, он стал, так сказать, неприступен»²⁰. Кстати, именно потому, что война совершенно не соответствовала ни желанию большинства русской элиты, ни национальным интересам страны, а решение о ней принималось в, мягко выражаясь, узком кругу, о ее подготовке никак не мог догадываться Бонапарт. И более того, его дипломатические представители в России чуть не до самого момента разрыва будут упорно твердить о миролюбивых намерениях Александра.

Ряд современных историков, которые не могут допустить мысли о том, что намерения Александра начать войну против Наполеона являлись лишь мнением лично царя и узкой группы англофилов, приближенных к трону лишь по воле монарха, ищут глобальные геополитические интересы России в предстоящей войне. Однако намерение спасти Оттоманскую империю, с которой Россия вела постоянные войны и с которой она вновь начала конфликт в 1806 г., важность для русского народа ценой крови тысяч русских солдат восстановления на троне Сардинского короля звучат весьма малоубедительно.

Поэтому современные информированные историки, продолжающие утверждать, что война 1805 года была превентивной войной против неизбежной агрессии, пытаются доказать, что Александра толкало

на этот конфликт общественное мнение. Якобы российское дворянство пылало такой иступлённой ненавистью к Франции и к её лидеру, что оно буквально требовало войны с Наполеоном Бонапартом. Для доказательства этого тезиса приводятся многочисленные высказывания из мемуарной литературы, написанной после войны 1812 года, где действительно сплошь и рядом Наполеон описывается как чудовище, а война с ним, как неизбежное, само собой разумеющееся явление.

Не вызывает сомнения, что Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая широкие массы русского народа вызвала впоследствии поток литературы, где враг описывался в самых чёрных красках и это вполне оправданно. Но совершенно неоправданно переносить чувства и мнения людей, охвативших их в период народной войны, на настроения дворянского общества России 1803 г., когда война была решена в голове Александра и узкого кружка англофилов. Для того, чтобы оценить, как дворянский Петербург смотрел на Первого консула в 1803 г., следует обратиться к синхронным источникам, а не к позднейшим свидетельствам.

Как выяснилось за период 1801 – 1803 гг. не найти русских печатных произведений порицающих Наполеона Бонапарта. В Российской Национальной Библиотеке значится 1795 печатных изданий на русском языке вышедших в свет за этот период, среди них сотни книг и брошюр переведенных с французского, множество книг, брошюр и журналов воспевающих деяния Первого консула и ни одного (!) враждебного ему произведения!! Напротив, русская пресса и брошюры о Наполеоне Бонапарте были в подавляющем большинстве благожелательны по отношению к молодому главе французского государства, а некоторые были проникнуты искренним восторгом.

Вот что, например, можно было прочитать в книге «История Первого Консула Бонапарта со времен его рождения до заключения Люневильского мира», вышедшей в 1802 году в Санкт-Петербурге:

«Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия приводящие их в отчаяние...

В недре покоя видим мы его размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого, и восстановить то равновесие властей, без которых общество не что иное есть, как пустое слово...

В пылкой и непоколебимой храбрости, присовокупляет он спокойное хладнокровие; к природным великим дарованиям и обширному разуму, ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Ганнибал против Римлян; к мудрой медленности в размышлении, всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет, опытность и зрелость старости; с познаниями воина соединяет он познание утонченного политика и добродетель, мудростию путеводимую; к чувствам человеколюбивого сердца и воздержанию, любовь к славе и отважность победителя...».²¹

В брошюре «Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте», вышедшей в 1803 г., можно найти такой портрет Первого консула: «В наружности своей с первого взгляда имеет Б. нечто мрачное и холодное; но нужно только пробыть вблизи его несколько минут, чтобы увидеть в нем после некоторую тихость и приятность. В чертах лица его изображается особливая кротость, и взор его есть красноречивое доказательство человеколюбивого и тихого характера... Он всякому, кто с ним говорит, смотрит в глаза прямо и спокойно, ожидая, что он ему скажет. Большие голубые глаза его, блистающие кротким небесным огнем, кажется говорят всякому: приблизься и полюби друга человеков!»²²

Совершенно особое место в русской публицистике этого периода занимает журнал «Вестник Европы», который с 1802 по 1803 год включительно издавался знаменитым русским историком и литератором Н. М. Карамзиным. «Любовь к Бонапарте дошла до высочайшей степени, – пишет Карамзин в первом номере журнала. – Со всех сторон пишут к нему благодарственные письма, в которых называют его «спасителем Республики», «первым Героем всех веков», «единственным»... Он, конечно, заслуживает признательность французов и почтение всех людей, умеющих ценить чрезвычайные действия геройства и разума. Его внешняя политика и внутреннее правление достойны удивления не менее Маренгской победы. Франция, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своих жителей, конечно, скоро загладит бедственные следы Революции, наслаждаясь тишиной под эгидой деятельного и благоразумного правления, которое печется о мудрой системе гражданских законов, о воспитании, об успехе наук, художестве и торговле, следственно о важнейших частях государственного благополучия»²³.

«Всякой портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно, – писал Карамзин о внешнем облике Бонапарта, – Можно ли кистью или резцом изобра-

зить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приеме и в обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор — потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов...»²⁴

А вот как выдающийся русский литератор оценивал внешнюю политику Первого консула: «Бонапарте дал французам имя *великой нации*, которым они теперь более всего гордятся, и которое для других народов не так страшно, как их прежние Якобинские титулы... Бонапарте сделал Этрурию Королевством, и если бы Король Сардинский был учтивее против Консула, то он давно бы уже царствовал в Турине. Бонапарте после Маренгского сражения объявил ему, на каких условиях может возвратить ему Пьемонт; но Король не хотел тогда отвечать решительно, под ничтожным предлогом, что с ним не было Министра его Ст. Марсана. Самая Швейцарская Олигархия, которая всячески оскорбляла французскую Республику, удостоилась великодушного прощения. Гишпанский Король радуется дружбою своею с Наполеоном. Ужасы Неапольские преданы политическому забвению^{1*}, и там, где Бертье за два года перед сим вызывал из гроба Катонов и Сципионов, там Республиканские Генералы с благоговением целуют ныне туфель Папы, заступивший место орлов Римских. Мир и спокойствие всего дороже»²⁵.

Если, как утверждает ряд историков, Александр I стал инициатором Европейской войны 1805 г. под давлением дворянства, яростно ненавидевшего Наполеона, можно задать законный вопрос — кто тогда покупал и читал эту печатную продукцию?

Интересные свидетельства об общественном мнении в России в этот период можно найти в донесениях ряда секретных агентов. Эти донесения хранятся в Архиве министерства иностранных дел Франции. Вот сообщал один из информаторов маршалу Бертье весной 1805 г., когда Александр уже самым активным образом готовился к войне: «Великие и малые стали бонапартистами, — можно прочитать в донесении относительно настроений в обществе под влиянием внешнеполитических и внутривнутриполитических успехов Наполеона, — так что женщины проводили ночи за вышивкой портрета непобедимого героя... Помещики, купцы и крестьяне поспешили раздобыть себе бюст или гравюру, изображающую миротворца Европы. Бонапарт во всех устах и во всех сердцах, даже тех,

^{1*}Имеются в виду зверские расправы неаполитанских ультрароялистов над местными республиканцами и пленными французами в 1799 г.

кто завидует его славе. Это чувство не изменилось с тех пор, как три месяца назад я покинул Москву, и я уверен, не утихнет, несмотря на слухи о скором разрыве, которые ходят в обществе»²⁶.

Конечно, это свидетельство агента, стремящегося изобразить лояльность к начальству, нужно как минимум поделить на пять, а то и на десять, но всё же пренебрегать этим синхронным источником было бы неправильно, ибо он подтверждается другими свидетельствами, пусть и не столь категоричными.

Вот что можно прочитать в другом рапорте: «Все те, кто занимаются политикой или считают себя политиками, ищут мотивы, которые могли заставить императора Александра начать войну против Франции. Те, кто не принадлежат правительству, не могут найти ни одного и честно признаются, что усилия англичан, направленные на создание новой коалиции, заставят, очевидно, сделать новую глупость Санкт-Петербургский кабинет. Спрашивают себя, как можно было так быстро забыть Голландию и Италию (*имеется в виду поведение англичан по отношению к русским войскам во время голландской экспедиции и австрийцев во время итальянского похода 1799 г.*)?.. Говорят, что Петербургскому кабинету столь же мало подходит заниматься делами Италии, как в Париже спрашивать о том, что делается на границах Персии и Грузии... Жители Москвы сожалеют о выступлении в поход московского гарнизона. Они не разделяют ослепления офицеров, считающих, что они идут прямо во Францию»²⁷.

Другое донесение говорит следующее: «В Москве открыто порицают войну, потому что не видят никакой причины для нее... В августе 1805 г. сюда приехали фельдмаршал Салтыков, г-н. Трощинский и министр финансов Васильев – все члены Совета. Эти господа уехали из Петербурга под предлогом состояния здоровья или семейных дел, но говорят, что это из-за того, что они открыто выразились по поводу ненужности войны. С того момента как стало ясно, что война начнется, в Москве не скрывают недовольства: кто-то из патриотизма, а кто-то потому, что это помешает ему совершить путешествие в Париж... Париж для них первый город мира. Те, кто оттуда вернулись, дали желание другим совершить в свою очередь подобную поездку»²⁸.

Действительно, в русском обществе не было единого мнения по поводу предстоящей борьбы. Александра поддерживали англофилы и часть правительственных кругов. Воинственную позицию заняли ответственные дипломатические представители страны за границей: С. Р. Ворон-

цов в Лондоне, А. К. Разумовский в Вене, Д. П. Татищев в Неаполе, А. Я. Италинский в Константинополе. Однако даже среди высшего общества были и ярые противники вступления России в войну. К ним относились: министр коммерции граф Н. П. Румянцев, министр просвещения граф П. В. Завадовский, министр юстиции князь П. В. Лопухин, министр финансов А. И. Васильев, член Непременного совета князь А. Б. Куракин, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Ф. В. Ростопчин и многие другие. Каждый из них выдвигал свои резоны, согласно которым он считал, что России незачем ввязываться в европейскую драку. Так А. И. Васильев говорил о плохом состоянии русских финансов, П. В. Завадовский отмечал, что война будет сопряжена с огромными расходами, а Ростопчин вообще категорически заявлял: «...Россия опять делается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»²⁹.

С другой стороны, значительная часть дворянства поддерживала царя, не спрашивая, почему и зачем он начинает войну. В своем дневнике молодой чиновник Степан Петрович Жихарев записал: «Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности»³⁰. Молодые офицеры, как им и положено, храбрились, тем более что русская армия, овеянная победами Суворова, не сомневалась в успехе. «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»³¹, – вспоминал гвардейский офицер И. С. Жаркевич.

При этом какого-то серьезного антифранцузского чувства никто из этих отважных молодых людей не испытывал, впрочем, как и подавляющее большинство дворянства. Уже упомянутый Жихарев написал 3 (15) декабря 1805 г. в своем дневнике: «А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньи и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию “Les Conjectures ou le Faiseur des Nouvelles”»³².

Наконец, наиболее образованные слои дворянства, подобно Пьеру Безухову, смотрели на войну с непониманием. Уже упоминавшийся выдающийся русский историк и публицист Н. М. Карамзин написал тогда слова, которые Толстой, немного переработав, и вложил в уста своего героя:

«Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее – известно богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего граф Морков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?»³³

Все приведенные выше цитаты (за исключением разве что Жаркевича) являются редкими синхронными свидетельствами, которые с трудом можно различить среди наслоений поздних мемуаров, где авторы не делают уже различия между тем, что говорили в 1805, 1807 или в 1812 г.

Люневильский и Амьенский мир завершили революционные войны. Идеологические противоречия между Францией и европейскими монархическими державами свелись в это время к минимуму. Разногласия по территориальным вопросам, несмотря на остроту отдельных споров, все же не были такими, чтобы ради них непременно нужно было начинать огромную европейскую бойню. Бонапарт искренне желал мира, а в отношении России его намерения вообще не вызывают никаких сомнений. Его единственной и давней мечтой был русско-французский союз. В этих условиях были все условия для того, чтобы в Европе в конечном итоге воцарился мир. Если этого не произошло, то в этом виноваты не столько объективные, сколько субъективные обстоятельства.

Без сомнения, франко-английские противоречия оставались очень острыми. Без сомнения, английская буржуазия жаждала устранить с мировой арены опасного торгового и промышленного конкурента в лице новой Франции. Без сомнения, английские купцы не переваривали Бонапарта, в котором видели человека, живущего совершенно в иной плоскости, чем они. Тем не менее, вся эта злоба и зависть не смогли бы вылиться в войну, если бы англичане не чувствовали за собой поддержки на континенте. По-пиратски в одиночестве рыскать по морям не имело никакой перспективы, если бы на суше правящие круги Великобритании не находили никакой опоры.

Если в 1803 г. английские олигархи решили растоптать Амьенский мирный договор, то только потому, что они видели, что Россия не только не будет противостоять их амбициям, но, наоборот, поддерживает и одобряет их.

Эта позиция целиком и полностью личная инициатива Александра. Ничто – ни геополитические интересы, ни даже общественное мнение не заставляли русского царя безоглядно поддерживать претензии британ-

ских толстосумов. Подавляющее большинство правящего класса России стояло за независимую внешнюю политику страны в стиле Петра Великого и Екатерины Великой, той, которая осмелилась заставить уважать на морях русский флаг и выступила инициатором «вооруженного нейтралитета».

Да, русские дворяне ненавидели французскую революцию, но Бонапарт был уже не революция. Это прекрасно, кстати, понял Павел I, **взявший** курс на сближение с Францией. Это прекрасно понимали и многие представители русского правящего класса. Не следует забывать, что все они жили под влиянием французской культуры, говорили, читали и писали по-французски. Безоглядная, забывшая все интересы страны поддержка Англии была совершенно не в интересах большинства русского дворянства. Если в правительстве и было несколько горячих англофилов, то только потому, что этого хотел царь. Захотел бы он по-другому – были бы другие люди, потому что, следует еще раз подчеркнуть, никакого императива во вражде с Францией у России не было.

Наоборот, приличные отношения с Францией при сохранении торговых отношений с Англией были самым лучшим способом для России сбить спесь британских олигархов и притормозить слишком честолюбивые стремления молодого консула. Но Александр выбрал совершенно другую политику. Он развязал англичанам руки. Как только началась англо-французская война, она обострила все противоречия, накалила обстановку на континенте. Однако и в этой ситуации война России с Францией никак не следовала автоматически из создавшейся ситуации. Александру потребовались поистине титанические усилия, чтобы заставить другую крупную державу континента, Австрию, вступить в антифранцузский союз. В отличие от первых двух коалиций, третья совершенно не была спонтанной. Австрию загоняли в нее пинками. В результате Россия получила ту войну, которую она должна была получить. В памяти русских офицеров и солдат австрийцы остались как дурные союзники, нерешительные и постоянно клонящиеся к «предательству». А как еще могли себя вести австрийцы, которых затащили в коалицию против воли не только большинства австрийского народа, но и против воли даже австрийского генералитета?

Синхронные документы убедительно доказывают, что теория превентивной войны не выдерживает ни малейшей критики. Война 1805 г. не предотвращала будущие военные конфликты, а, наоборот, их спровоцировала. Расширение Франции за счет Пьемонта или Генуэзской Ривьеры

мало затрагивало интересы России, а тем более не угрожало ее безопасности. Первый Консул, а впоследствии император, постоянно подчеркивал свою приверженность концепции русско-французского союза. Конечно, он делал это не по причине какого-то особого пристрастия к русскому народу, а искал в этом свои выгоды. Но что мешало России умело использовать хорошие отношения с Францией для того, чтобы найти в них выгоды для себя?

Буквально через несколько дней после битвы при Аустерлице в разговоре с Гаугвицем французский император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»³⁴.

Александр судил иначе: «В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно один из нас должен уйти!» – заявил он чуть позже в беседе со своей сестрой Марией Павловной.

Однако желание обезопасить себя в будущем, извлечь максимальную выгоду из победы, завело Наполеона слишком далеко. Его империя и появившиеся вокруг нее вассальные государства стали слишком много весить в европейской политике. Баланс сил был нарушен, и с подобным государством стало весьма непросто поддерживать равноправные взаимоотношения. Поражение при Аустерлице разбудило также дремавшие силы. Русское дворянство и, в особенности, офицерский корпус отныне желали реванша. Конечно, все это было еще достаточно далеко от сильных антифранцузских настроений в русском обществе в период войны 1812 г. Однако это было уже не то в основном безразличное и иногда даже благожелательное отношение к Бонапарту в годы его Консулата. Всего лишь через несколько дней после Аустерлица в Москве так судили о происшедшем: «Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится, окаянный»³⁵.

Неудивительно, что прелиминарные условия мирного договора, подписанные в Париже 20 июля 1806 г. русским посланником Убри, были отвергнуты Александром. Война еще только начиналась...

¹Сборник РИО. Т. 70. С. 70б.

²Там же. С. 480–481.

³Там же. С. 481.

- ⁴Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья, 1798–1807». М., 1962. С. 242.
- ⁵Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858-1870. Т. 7. P. 486.
- ⁶Correspondance inedite du roi Frederic-Guillaume III et la Reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Leipzig-Paris, 1900. P. 30–31.
- ⁷Ibid. P. 44-45.
- ⁸Архив князя Воронцова. М., 1870–1897. Кн. 10. Бумаги князя Семена Воронцова. Ч. 3. С. 58, 186.
- ⁹Внешняя политика России... Т. 1. С. 522–527.
- ¹⁰Там же. С. 545–550.
- ¹¹Там же. С. 551–552.
- ¹²Внешняя политика России... Т. 1. С. 600.
- ¹³Там же. С. 602.
- ¹⁴Российский Государственный исторический архив. Фонд 549. Оп. 1. № 387. Tagebuch des Kaiserlichen Obersten Karl Freiherr von Stuterheim. P. 23–29.
- ¹⁵Ibid. P. 32.
- ¹⁶Ibid. P. 41.
- ¹⁷Ibid. P. 49.
- ¹⁸Ibid. P. 60.
- ¹⁹Ibid. P. 65.
- ²⁰Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I. «Исторический вестник». 1917. № 1 (январь). С. 128.
- ²¹История Первого Консула Бонапарта со времен его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб, 1802. С. III, IV, VII, VIII.
- ²²Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое. М., 1803. С. 41.
- ²³Вестник Европы. 1802. № 1 (январь). С. 77–78.
- ²⁴Там же. № 8. С. 343–344.
- ²⁵Там же. № 9. С. 75–76.
- ²⁶Archives de Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique, Russie, 144.
- ²⁷Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 2.
- ²⁸Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 3.
- ²⁹Деятнадцатый век. Кн. II. С. 87.
- ³⁰Жихарев С. П. Записки современника. Москва, 2004. С. 198.
- ³¹Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина. 1874. Т. 9 (февраль). С. 218
- ³²Жихарев И. С. Указ. соч. С. 137–138.
- ³³Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 52, 54, 58.
- ³⁴Цит. по: Sorel A. L'Europe et La Révolution française. Т. VII. Paris, 1905.
- ³⁵Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004. С. 137.